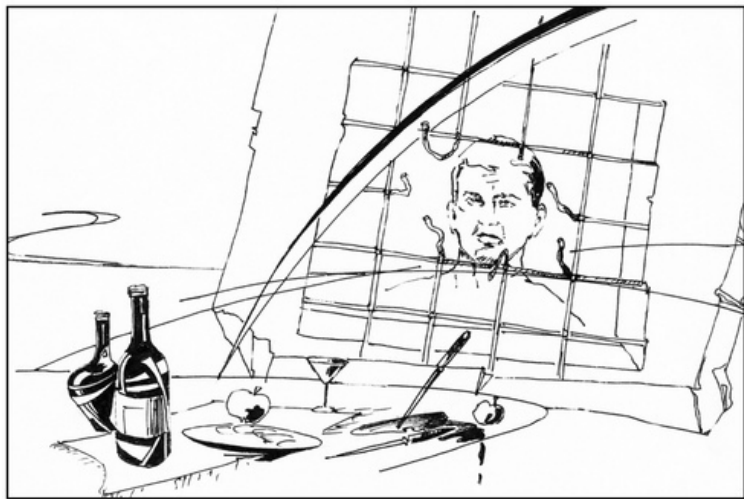

Владимир Дэс

Закон есть закон

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Владимир Дэс

Закон есть закон (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5822448

Аннотация

В данный сборник вошли рассказы:

1. Закон есть закон
2. Заложник
3. Злоба
4. И настанет утро и придёт покой
5. Массажист
6. Обратная дорога
7. Параллельное задание
8. Похищение
9. Соприкосновение
10. Сутки спокойной жизни
11. Цена договора
12. Чемодан с золотом
13. Богатый опыт
14. Как стать миллионером
15. Как убить муху

Содержание

Закон есть закон	5
Заложник	13
Злоба	21
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Дэс

Закон есть закон (сборник)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Закон есть закон

Сочная, полная жизни травинка, как яркий язычок зеленого пламени, вынырнула из трещинки бетонного пола прогулочного дворика местной тюрьмы. Вынырнула и замерла в изумлении от серости и унылости окружающего мира.

Угрюмые, шаркающие по бетонке люди заметили эту травинку.

Одни обрадовались.

Другие изумились.

А кто-то поспешил оградить травинку по кругу начерченной куском красного кирпича линией. И люди во время прогулок по очереди садились на корточки около травинки и не отрываясь смотрели, смотрели и смотрели на это чудо жизни. Даже когда курили, дым выпускали в сторону от этого круга, стараясь не дышать на травинку.

Вор в законе «Ломаный» передал по «крытой»¹:

– Того, кто сорвет травинку – утоплю в параше.

Перед выходом на свободу Ломаный в последний раз сам полил травинку из пипетки и наказал своему другу:

– Береги.

Жизнь на свободе у Ломаного была беспокойней, чем в

---

¹ Крытая – тюрьма.

зоне.

Вот и сегодня глухой ночью, в четвертом часу, его подняли с постели.

В казино, которое принадлежало ему, уже второй раз за этот месяц один и тот же игрок сорвал очень крупный куш – больше ста тысяч долларов.

Первый раз он отпустил игрока с Богом. Судьба есть судьба.

Но сегодня Ломаный задумался.

Удавить игрока в туалете не сложно. Но где гарантия, что кто-то другой через неделю-другую опять не накажет казино? Нет, тут что-то не так. Казино ни в одной стране мира не проигрывает. Выиграть игрок может, но обыграть казино – никогда. А *тут* казино проигрывало.

Что-то не так.

Ломаный сам приехал в казино. Издалека посмотрел на счастливчика. И велел проследить за ним. Узнать, кто он, откуда и что из себя представляет. Но не трогать.

Когда счастливый игрок уехал, Ломаный закрыл казино. Побеседовал со всеми, кто работал за несчастливым столом. Отпустил без последствий. Предположить, что кто-то мог в рулетку поработать на игрока, было не серьезным. Решили этот стол убрать. На всякий случай...

К вечеру следующего дня об игроке знали всё.

Жена, двое детей, занимается бизнесом ценных бумаг.

Пьет мало. Настоящий игрок. Причем азартный. Часто ездит в Москву по делам, причем – один, на своем новеньком БМВ.

Некоторые горячие головы предложили взять его прямо сейчас, ночью, дома, в семье. Быстрее расколется.

Ломаный запретил.

Во-первых, он чувствовал, что игрок работает не один. Надо к нему получше присмотреться. Дать успокоиться. Подождать, когда соберется в поездку. А по дороге снять. «Вот тогда и вытрясем. И никого не спугнем. Времени будет достаточно. Вряд ли после отъезда его быстро хватятся», – сказал он.

Ломаный не любил квартирные грабежи и разборки при женщинах и детях. Ладно, если бы этим занимались специалисты. А то соберутся три-четыре недоноска, вломятся в квартиру, перережут всех – и стариков, и детей, а возьмут два магнитофона да шубу в дырах. Да и свои иногда заводятся от вида крови и жажды власти, перестают контролировать себя. Потом, вместо решения одних проблем, появляются новые, гораздо сложнее – уже не по бараклу, а по трупам. А у Ломаного и так забот хватало.

Совсем недавно «молодые да ранние», а хватив азы блатных законов, стали угонять машины у самих воров и чистить их квартиры. Вор, если у него что-то украли, не может взять назад украденного, тем более, заявить ментам. Это-то и усекли «щеглы» и давай шерстить блатных. А при разбор-

ках прикидываться: мол, не знали, у кого воруют. Пришлось поучить, чтобы знали...

А сколько возни с общаком и зонами!

Да, проблем много. Вот теперь – казино.

Через неделю игрок поехал в Москву. Один. На своем БМВ.

Под Владимиром его сняли.

Привезли в карьер заброшенного кирпичного завода. Там нашли траншею метров пять в глубину. Надели на игрока наручники, спустили на дно. Объяснили: если не скажет, как стал везунчиком в казино, накроют таким толстым одеялом из глины – дай Бог, лет через тысячу найдут. Завели трактор и стали потихоньку засыпать траншею землей.

Пока земля не подступила к горлу, игрок молчал. А потом – гад! – видимо, понял: мертвому деньги не понадобятся... Ему же объяснили, что братва в случае его смерти ничего не теряет. Вряд ли после исчезновения игрока его компаньоны решатся еще раз потревожить казино. Значит, проблема решена. А его подельники наверняка найдут другой промысел или махнут отдыхать и будут радоваться, что нашли такого лоха, который не пожалел ни себя, ни жену, ни своих детей, а пожалел их – кто его бросил, и даже не заложил.

И игрок сломался. Завопил о пощаде.

Его вытащили. От страха весь трясется, бедняга, заикается. Когда немного «отошел», поведал историю странную.

Ломаный с трудом верил тому, что рассказывал ему этот игрок-счастливчик, перемазанный глиной, с синими губами и тоскливым взглядом. Но было ясно – он не врет.

Игрок привез братву в один укромный интересный подвальныйчик. Там стоял точно такой же стол с рулеткой, как в казино. Сказал, что скоро появится «тот» – гений крупье. Каждый день сюда приходит «для репетиций».

Все попрытались, стали ждать.

Вскоре и в самом деле появился... Вова, парень-крупье из казино Ломаного. С того самого, несчастливого, стола. Достал шарик и стал кидать. Очередная тренировка. То, что он проделывал с шариком, было каким-то чудом.

Наконец Ломаный вышел из своего укрытия. Вова был так увлечен своим делом, что даже и не заметил этого.

– Силен... – наконец негромко сказал Ломаный.

Парень вздрогнул. Резко обернулся. А шарик продолжал скакать по желобкам. И опять остановился на семерке.

Вышли все остальные. Кто-то взял шарик. Кто-то стал ощупывать рулетку. Кто-то залез под стол.

Подали шарик Ломаному. Осмотрел он его со всех сторон. Понюхал. И не глядя на дрожащего крупье, спросил:

– Можешь на любую цифру выкинуть?

– Да... – выдавил парень.

– Покажи, – подал ему шарик Ломаный и назвал цифру:
– Десять!

Парень кинул шарик. Все замерли. Шарик скок-скок и

хлоп – десятка.

– А теперь – девятнадцать.

Парень опять кинул. Шарик скочил и... девятнадцать.

Все были поражены – молчали.

Ломаный внимательно оглядел крупье. Сел на стол.

– Ладно, все ясно, что и почему... А теперь расскажи, Вова, кто этому тебя научил и в наше казино пристроил? Ведь ты к нам из другого казино пришел, насколько я помню?

Вова молчал.

Ломаный закурил.

– Ты, Вова, не молчи. Ведь все равно заговоришь. Вон и твой дружок заговорил.

Где, кстати, он?

Вытащили игрока. Бледный, со слезами на глазах, губы по-прежнему трясутся.

– Я этому там научился, – не отрывая глаз от подельника, заговорил Вова, – еще и том казино. Хозяин заметил, велел молчать, а потом послал к вам.

– Хозяин это кто? «Аист»?

– Да, – выдавил.

– Через тебя и подсадных решил меня разорить?

– Да...

– Еще есть подсадки?

– Есть.

– Хорошо, Вова. Молодец.

Ломаный повернулся к своим, сказал:

– Спрячьте обоих. И не балуйте. Пусть спокойно поживут. Они еще пригодятся. А ты, – обратился он к одному стриженному крепышу из бригады, – давай к Аисту. Забивай стрелки. Кончать его будем.

Ломаный все подготовил. Даже скрытая камера была, чтобы потом показать вора! какая сука среди них грелась.

Когда ехал на «стрелку», на одной из пустынных улиц машину остановил гаишник.

– Чего, друг? – спросил, улыбаясь Ломаный.

– Пересядь вон туда, – гаишник показал жезлом на свою машину.

– Зачем, родной?

– Поговорить с тобой хотят.

– Заинтриговал ты меня, дружок. Придется пересесть.

Ломаный подошел к гаишной машине! Наклонился к стеклу.

– А, Александр Палыч? Давно не виделись.

– Да ты садись, не мельтеши у дверей!

Ломаный залез в машину.

– Слушаю вас, Александр Палыч.

– Ты вот что, разборки свои устраивай без пальбы. Мне жмурики не нужны. Аист тоже гражданин, хоть и вор. Если моего совета не слушаешь, отправлю назад, в зону. Травинку на тюремном дворе поливать.

– А про травинку-то откуда, Александр Палыч, знаете?

– Я много чего знаю. Поэтому и предупреждаю. Закон есть закон.

– Спасибо, конечно, Александр Палыч, только у нас свои законы.

– В нашей стране законы одни – наши! И страна «эта» тоже «наша». А теперь иди. Я тебе все сказал.

– Прощайте, Александр Палыч.

– До свидания...

Как только Ломаный вышел из машины, гаишник тут же сел в нее и дал газу.

Ломаный посмотрел вслед. Сплюнул. И пошел к своим.

– Поехали!

– Чего там? – спросили его.

– Ничего. – Ломаный усмехнулся, вспомнил зеленую травинку за неприкосновенной чертой и добавил: – Просто напомнили, что в этой стране воры тоже люди.

Заложник

То, что наш самолет захвачен бандой террористов, мы узнали только перед самым концом полета.

Мы, конечно заметили, что сразу же после взлета какие-то молодые люди, аккуратные такие мальчики лет по двадцать, встали со своих мест и все ходили туда-сюда.

Были они вежливы и предупредительны. Извинялись, если случайно задевали кого-нибудь из пассажиров.

А так полет был, как полет: тихий, уютный и сонный.

Лишь стюардессы были необычайно внимательны, а стюарды – особенно серьезные.

Так мы и летели: кто читал, кто дремал.

М – это дружный и сплоченный симфонический оркестр нашей городской филармонии.

Полный состав оркестра – это вам не квинтет какой-нибудь, так что заняли мы едва ли не половину самолета, почти весь экономический класс.

Правда, небольшая элитная группка во главе с дирижером обособилась и находилась где-то в середине бизнес-класса.

Мы им завидовали: там выпивку подавали в неограниченном количестве, а нам – по норме.

А я так и вовсе изошел завистью по поводу нашего дирижера.

Были мы с ним одного возраста, пола, цвета кожи, веро-

исповедания, оба музыканты.

Жили на одной улице.

Ходили в одну школу.

И музыкой начали заниматься почти одновременно.

С одной лишь разницей: я занимался из-под палки, а он – по призванию.

Впрочем, не скажу, что ненавижу музыку, я к ней просто равнодушен.

А он, когда играл, а затем дирижировал, прямо дрожал весь, словно улетал в такие дали, куда таким, как я, не заглянуть никогда.

В детстве я его всячески обзывал и пытался обидеть. И потом, когда мы подросли и родители пустили меня по его следам, я не видел в его одержимости ничего хорошего. А вот когда он стал за свой талант и эту свою одержимость получать материальные блага, причем немалые, стал я понимать, что он, а что я.

И женился он удачнее, и дети у него умнее, и сейчас вон сидит, виски пьет от пуза, а не по норме, как я.

А рядом с ним его новая пассия – рыжая виолончелистка. Стерва редкостная, но красива до умопомрачения. С таким шикарным бюстом и такими голубыми глазами, что можно утонуть и тут и там.

Я завидовал его жизни, но хорошей завистью.

Его любви к музыке, его таланту, его большому будущему.

У меня же и жизнь-то была не моя, а выбранная для меня

и за меня родителями. Были еще фагот и жена, посредственная скрипачка из нашего же оркестра.

Мы с ним никогда не были друзьями. Просто шли рядом.

И хотя я был, как и моя жена, средненьким музыкантом, мой однокашник упорно держал нас в своем престижном оркестре.

«Почему? – часто думал я. – Зачем ему, чтобы я был рядом? Что это: человеческое участие или повод для злорадного торжества?»

И приходил к выводу, что скорее всего первое.

Он никогда не позволял себе никаких выпадов в мою сторону, ничем не уязвлял моего самолюбия. Наоборот: когда случалось принимать оvationи или очередную награду, приглашал стать рядом с собой, а это кое-что да значит.

И я вставал рядом и стоял со своим неуклюжим фаготом, в блестящем на локтях фраке, мешая тем, кто устремлялся его поздравить.

Когда нам все же объявили, что самолет захвачен и после посадки мы, уже в качестве заложников, должны смиренно сидеть на своих местах и не двигаться до особых распоряжений, я не сильно расстроился: ведь с нами он, мой талантливый и везучий спутник по жизни, поэтому ничего ужасного с нами случиться просто не может.

Даже когда прошли часа три, и мальчишки, еще Недавно вежливые и аккуратные, стали нервозными и сердитыми, я

не особо волновался.

Что творилось снаружи, мы не знали, но понимали: дела у наших террористов не заладились, что-то пошло не так.

Жена моя нервничала, то и дело спрашивала меня, что будет, и я ее успокаивал – все, мол, будет хорошо.

Я не знаю, как вела себя наша элитная группа, ведь они сидели впереди, а я ближе к хвосту, но никакого шума оттуда не доносилось.

Пить нам давали, но не кормили.

Мальчики становились все жестче, в руках у них появилось оружие.

Наконец что-то, видимо, произошло: террористы пошли по рядам, внимательно разглядывая пассажиров.

Они выбрали в бизнес-классе какого-то солидного гражданина, подвели его к люку, выстрелили ему в затылок, и он выпал на летное поле.

Все услышали, как его тело грузно, с шлепком ударилось о бетон.

Мы оцепенели от ужаса.

Вот так. Просто взяли и у всех на глазах убили человека.

А с виду такие правильные и вежливые молодые люди.

Когда один из них проходил мимо меня, я осторожно глянул ему в глаза и ничего там не увидел.

Либо там вовсе не было ничего, либо за этим «ничего» таилось нечто столь безобразное, что мне не дано ни увидеть, ни понять это.

Я поежился. От этой пустоты мне даже зябко стало.

Прошло еще полчаса.

Они опять открыли люк, схватили еще кого-то из того же бизнес-класса, подтащили к люку, выстрелили в затылок и выбросили наружу.

Мы ахнули.

Зашевелились.

Кто-то попытался встать.

Но приподнявшихся быстро усадили.

Женщины беззвучно плакали.

Мужчины старались не замечать, что их женщины плачут.

Я, обняв свою жену, нервно тербил мочку ее уха.

И все время пытался подглядеть, осторожно вытягивая шею, что там с нашим дирижером.

Он, очевидно, так плотно сидел в своем кресле, что не было видно ни локтя, ни макушки.

Только над соседним креслом возвышался огненно-медный мелко дрожащий пучок.

«Плачет, наверное, как и моя», – сочувственно подумал я.

Прошло еще полчаса.

Ребята к тому времени уже, очевидно, хлебнули.

Один из них вышел на середину салона и объявил:

– Нужен доброволец.

Все съежились.

– Нет добровольца, – констатировал он наконец и после

паузы объявил: – Что ж, тогда добровольцем будешь... – тут он повел своим тонким пальцем по рядам и вдруг остановился на кресле рядом с рыжим холмиком, – ты.

И двое его помощников тут же выдернули из норки соседа огненной красавицы – нашего дирижера.

Весь наш оркестр разом ахнул.

Дирижер был бледен, высок и красив.

Одной рукой он нервно поправлял воротник рубашки, другой держал за руку свою пассию.

Казалось, вот сейчас он оторвет свою руку от ее ладошки – и все, ему конец.

Наконец он оторвал свои дрожащие пальцы от мгновенно исчезнувшей из прохода женской руки и посмотрел в нашу сторону. Я поймал его взгляд – он был ватным – и закрыл глаза.

Почему он?

Сидел я так, с закрытыми глазами, рядом со своей дрожащей женой, видя себя рядом с ним, ничего великого не создавший и ничего существенного не совершивший, и вдруг меня прострелило: вот он, мой шанс!

Один-единственный и последний, другого не будет.

Открыл я глаза, вынул из-за головы жены руку, поднял ее вверх и сказал громко и внятно:

– Господа террористы, а можно мне вместо него?

Все, не только террористы, но и пассажиры уставились на меня.

Я даже смутился немного.

– То есть меня вместо него. – Видя все еще недоумевающие глаза публики, я добавил: – меня, а не его, того... – И показал на люк.

Пассажиры зашептались.

Жена моя вся сжалась и стала дергать меня за полу пиджака.

Террористы удивленно поглядели на меня.

Переглянулись между собой.

И один из них, толкнув маэстро назад в кресло, лениво махнул мне рукой.

Я пошел.

Ноги еле ступали.

Кто-то другой, там, в голове заговорил: «Ты что, с ума сошел?»

«Поздно», – ответил я ему.

Меня грубо схватили за плечо и развернули к люку.

Там, за ним, было светло и шумно.

Кругом стояли машины. За ними прятались вооруженные люди в масках и шлемах.

Что-то холодное и жесткое уперлось мне в затылок.

И тут я услышал нечеловеческий страшный крик:

– Н-е-ет!

Это кричал он.

Зачем? Я ведь подарил ему жизнь. Кто он, и кто я? Он нужнее... и я счастлив.

Офицер группы оцепления увидел в бинокль, что лицо человека, которого террористы выбрали очередной жертвой, вдруг расплылось в улыбке. И это в тот момент, когда к его затылку приставили пистолет!

Офицер зажмурился от удивления, протер заслезившиеся глаза, подул на стекла бинокля и, подумав, что это ему почудилось, опять протер окуляры.

Тот человек уже лежал внизу, на бетонке.

Вокруг его головы медленно расплывалось бордовое пятно.

«Бедняга... – подумал офицер и вздохнул. – И ведь чего только не примерещится в этой чертовой суматохе».

И тут же напрягся – в наушнике, вставленном в левое ухо, уже шел отсчет: «Шесть... пять... четыре...» Через три секунды – штурм.

И, уже полностью настроясь на атаку, подумал:

«И все же он улыбался... этот заложник.

Интересно, чему?»

Злоба

Страх не было, боли тоже.

Была только злоба.

Он понимал, что уходят последние секунды Его жизни.

Нож в шее буквально пригвоздил Его к земле.

Кровь, стекающая струйками по дрожащей сухой коже за ухом, казалось, кипела.

Глаза открылись сами собой, медленно-медленно.

Перед не погасшими еще зрачками высоченным толстым бревном качалась сочная зеленая травинка.

По ней деловито ползла вверх божья коровка.

Обнаружив эту маленькую жизнь, Его затухающее сознание встрепенулось.

Правая рука, перебитая в локте автоматной пулей, дернулась к этой букашке и... осталась на месте.

Божья коровка, ничего не подозревая, продолжала топтаться по травинке, бестолково перебирая лапками.

Это ничтожное существо было совсем рядом.

Если Он соберется с силами и дунет посильнее, эту тварь, пожалуй, снесет с травинки.

Он осторожно вобрал в себя воздух.

И очень сильно – так Ему показалось – дунул.

Ему вообразилось, что воздух вихрем вырвался из легких, обволок божью коровку и, оборвав ей крылья и лапки, за-

швырнул маленький трупик в грязную дождевую лужу.

Когда к Нему осторожно подошли люди, Его уже остекленевшие глаза с безумным торжеством смотрели в ту точку на стебельке, где, как и минуту назад, деловито перебирая лапками, ползала вверх-вниз красная букашка с черными пятнышками на крохотных крылышках.

Рот Его был судорожно распахнут, словно он все еще выдувал из себя трупный дух, уничтожающий все живое.

Распухший бордовый язык вывалился набок, и по нему из Его нутра медленно стекало на землю густое, неряшливое кровавое месиво.

Это был Его последний выдох.

Наконец люди в сапогах осторожно окружили Его.

Потом кто-то слегка пнул тело.

Потом пнули сильнее.

Убедившись, наконец, что Он мертв, все оставили Его и ушли.

Ушли к тем, кого Он расстрелял несколькими часами раньше.

Их осторожно подбирали в разных местах и бережно укладывали рядом на траву в тени высокого забора.

Их было пятеро.

Было – и не стало.

Он давно знал, что все Его презирают.

Сокурсники в военном училище в глаза смеялись над Ним.

Смеялись над связью с женщиной старше Его на двенадцать с лишним лет.

Она была некрасивая и с огромным, в пол-лица, родимым пятном.

Он тщательно скрывал эту связь ото всех. Но однажды, выпив лишнего в увольнении, зашел к ней с сокурсниками, показавшимися своими в доску.

Как же над Ним потом издевались!

Не физически, конечно. Но от слов было еще больнее, чем от побоев.

Он перестал к ней ходить.

Тогда она сама пришла к Нему.

Все училище пялилось из окон.

Его затрясло от злобы и унижения.

Вместо «здравствуй», Он наотмашь ударил ее по лицу, а когда она упала на ступеньки, стал пинать, пинать...

Его еле оттащили.

Тут недавние мучители вдруг стали Его лучшими друзьями.

Благодаря их дружному заступничеству, истеричная выходка легко сошла Ему с рук.

Но та, которую Он унизил еще больше, чем унижали Его за связь с нею, все же была женщиной.

Существом другого пола.

И она Ему снилась.

Снилась в самых похотливых позах.

И днем вспоминалась.

Вспоминалась в бесстыдных желаниях.

Он долго мучился, не зная, что делать со страстью, сжигающей Его изнутри.

И опять пошел к ней.

И она Его приняла.

И вскоре об этом опять узнал весь курс.

И Его стали презирать еще больше.

Ночью, когда вся казарма засыпала.

Он вспоминал свое детство.

Большой город на Кубани.

Родительский дом, просторный и белый.

Небольшой сад. Виноград. Огромное ореховое дерево.

Несколько гранатовых кустов.

И огромные сараи с клетками.

Множество клеток с кроликами и нутриями.

И как самое дорогое Он вспоминал те дни детства, когда они с отцом, отточив ножи до бритвенной остроты, обдирали этих вялоглазых беззащитных животных.

Как бы Он хотел видеть на месте этих окровавленных тушек тела своих товарищей, сладко спящих по соседству!

С каким бы наслаждением Он, подвесив их за ноги, мед-

ленно, осторожно подрезал бы им кожу острым ножом, обнажая мышцы, красные от надрезанных капилляров.

Как бы они крутились жгутами, как визжали бы от боли, переходя с крика на такой низкий утробный вопль, что слышался бы только плаксивый, захлебывающийся свист.

От таких картин Он сладостно потягивался всем телом и, удовлетворенный своей буйной злобной фантазией, наконец засыпал.

Когда Его первый раз поставили в караул и дали в руки автомат с боевыми патронами, Он даже опешил от неожиданной мысли:

«Автомат... чем он хуже ножа?»

Автомат несколько не хуже.

Автомат куда лучше самого острого ножа!

И Он стал ждать.

Ни дня, ни часа Он себе не назначал, положившись на судьбу.

Не выбирал, кто именно станет Его первой жертвой.

Он ненавидел всех.

Одного за то, что тот был выше Его ростом.

Другого за то, что ниже Его ростом.

Третьего за то, что отметки у того лучше, чем у Него.

Четвертого за то, что тот на ногу Ему наступил.

И когда Он очередной раз заступил в караул, сперва, вроде, и начинать не хотелось.

Караул в училище небольшой – два поста.

Один – невдалеке от караульного помещения, у склада ГСМ.

Другой – у знамени училища.

Начальник караула и его помощник, он же разводящий – оба сержанты.

Двое на посту, двое – бодрствующая смена, двое – отдыхающая.

В тот момент Он как раз был в бодрствующей смене.

Было около четырех утра.

Он играл с напарником в шашки.

И проиграл.

Залез под стол и, как полагалось, прокукарекал два раза.

Вылез.

Отряхнул пыль с коленок.

Обошел стол, за которым Его товарищ весело расставлял шашки для новой партии.

Подошел к оружейной пирамиде, где стояло четыре автомата, взял свой.

Покачал его в руках.

Товарищ оглянулся, но лишь скользнул по Нему взглядом и продолжал расставлять шашки.

Он поставил автомат прикладом на пол и, взявшись за ствол обеими руками, с замахом, через бок обрушил приклад на голову ничего не подозревавшего парня.

От страшного удара тот ткнулся головой в доску и, опро-

кинув стол со страшным грохотом, вместе с ним и стульями отлетел к стене.

И замер там.

Караулка была маленьким двухэтажным зданием.

На первом этаже – комната начальника караула и его помощника-разводящего, да еще небольшая, на четыре топчана, комната отдыха.

Комната, в которой началась ужасная бойня, была на втором этаже. Никто из находившихся внизу еще не знал, какой кошмар ждет их всех через считанные минуты.

Все четверо внизу были здоровыми, сильными двадцатилетними парнями.

Двое спали, сменившись с постов.

Разводящий тоже дремал в комнате отдыха.

Сержант, начальник караула, читал.

И вдруг – страшный грохот наверху.

Сержант отложил книжку, поморщился и крикнул:

– Эй, что там у вас!

Вначале Он замер.

Но когда снизу закричали, Он, бросив свой автомат, быстро вернулся к пирамиде, взял другой, вставил в него магазин с десятью патронами и еще три магазина засунул в подсумок.

По узкой крутой лестнице кто-то поднимался.

Он почти наверняка знал, кто это. Сержант, начальник караула.

Здоровый. Высокий. Уже женатый. Папой скоро станет: жена должна скоро родить.

Он взял автомат в правую руку.

Понудобней обхватил ладонью ручку и потрогал указательным пальцем тугой спусковой крючок.

Ступеньки скрипели все ближе.

«Нет, пожалуй, папой сержант не будет», – злорадно подумал Он, быстро вышел навстречу сержанту и, почти не целясь, разрядил рожок ему в живот.

Тот, наверное, и понять-то ничего не успел – его буквально разорвало пополам, отбросив ноги и прочее далеко вниз.

Еще успев выкинуть вперед руки, сержант покатился вниз, оставляя на ступеньках свои внутренности.

Он же вставил новый рожок с патронами и медленно, чтобы не оскользнуться на крови, спустился по лестнице.

Он был уже внизу, когда ничего не соображающий спронеья разводящий выскочил из комнаты отдыха в одной нагельной рубашке и без сапог.

Этого парня Он ненавидел лютой ненавистью.

Белобрысый. С белесыми водянистыми глазами. Вечно с шуточками, подколочками.

– Ага, нарушаешь, скотина! В карауле нельзя снимать гимнастерку и сапоги, – злорадно сказал Он и выстрелил в уже осмысленное, испуганное лицо разводящего.

Ощущая жгучее наслаждение, прошелся очередью от лица вниз.

Белая нательная рубаша разлетелась в клочья, разом окрасившиеся в ярко-красный цвет.

Пули, очевидно, перебили ему ребра, потому что разводящий, отлетев к двери, весь как бы вывернулся – тело провалилось посредине.

Он отодвинул сержанта, сменил рожок и открыл дверь в комнату отдыха.

Двое курсантов, что были там, все уже поняли.

Один забился под топчан и что-то истерично кричал оттуда.

Другой пытался выломать решетку в единственном маленьком окошке.

Похоже, ему это удалось.

Призвав на помощь всех своих ангелов, он умудрился влезть в окно шириной не больше двух кулаков.

Он дал по извивающемуся огузку, торчащему в окне, пару коротких очередей – хватит с него.

Затем, не отпуская курка, прошелся по ногам, торчащим из-под топчана.

Но вдруг тот, что торчал в окне, судорожно дернулся и вывалился наружу.

Он даже не успел выстрелить ему вдогонку.

Тогда Он выскочил из караулки, забежал за угол и в расцветной дымке увидел у окна какую-то темную кучу.

Он подошел.

Парень не шевелился.

И вдруг прямо над ухом – в это время Он наклонился проверить, точно ли беглец умер, – кто-то позвал Его по имени.

Он подскочил и резко обернулся.

Совсем рядом стоял часовой. Очевидно, прибежал на выстрелы от склада ГСМ.

Он спокойно поднял автомат и уперся дулом в грудь товарищу.

А тот – вот дурак – даже не обратил на это внимания, все таращил глаза на мертвого и все твердил:

– Елки зеленые, чего это с ним?

– Ничего, – ответил Он и выстрелил ему в сердце.

Часовой отлетел от Него, будто сам отпрыгнул, и упал на спину, сильно стукнувшись головой о землю.

Там, где у него только что было сердце, открылась огромная рваная дыра.

Шинель вокруг нее задымилась, потом вспыхнула ярким пламенем, но оно тут же, потрескивая, затухло от крови.

Он постоял немного. Посмотрел вокруг и, вспомнив о том, кому лишь прострелил ноги, вернулся в караульное помещение.

Он открыл дверь и опешил.

Тот, кому Он прострелил ноги, двигался навстречу – на коленях, но с голеньями, вывернутыми от колен вперед.

Он толкал эти беспомощные култышки и двигался за ними к двери, то и дело заваливаясь набок.

За ним тянулись две темные кровавые полосы.

Он не стал терять на него время: проходя мимо, приставил автомат к его голове.

Тот, очевидно, сразу все понял и горько заплакал, закрыв лицо руками.

Он же спокойно выстрелил ему в голову, и когда тот, откинувшись назад, упал, перешагнув через него и прошел в комнату начальника караула.

Там уже надсаживался телефон.

Он разбил его прикладом.

Потом вскрыл неприкосновенный боевой запас.

Сменил магазины на полнорожковые, распихал по карманам «лимонки» и, присев на минутку на стул, обозначил для себя, что надо сделать.

Злобы на людей и окружающий мир несколько не убавилось. Наоборот: от крови Он только сильнее распалился.

«Значит, так... – решил Он. – Сперва – в основной корпус, на свой курс. Закидаю их, сонных, гранатами, и таким вот образом, этаж за этажом, все училище – под сплав».

Тут Его мысли прервал какой-то шорох за дверью.

Он встал, удивленный.

«Неужели из мертвецов кто воскрес?»

И Он смело, даже не думая ни о какой опасности, вышел из комнаты начальника караула. И тут же сверху, из комнаты бодрствования, где Он оставил своего первого напарника по караулу мертвым, как Ему казалось, ударила очередь.

Он не успел ничего сообразить, как одна пуля перебила Ему локоть правой руки, вторая ударила в легкое чуть пониже ключицы, а третья врезалась в магазин автомата.

Он опрометью бросился из караулки.

Выскочил, сделал несколько шагов и упал в траву.

Сознания Он не терял.

В открытую дверь Ему было видно, как сверху спустился напарник и застыл, глядя на эту бойню.

Но как только шатающаяся фигура с окровавленной головой показалась в дверях, проклиная убийцу во всех его родовых коленах, Он сделав невероятное усилие, переложил автомат в левую руку, повернулся и попытался прицелиться в ожившего покойника.

Наконец поймал-таки его на мушку и надавил спуск.

Выстрела не было.

Он нажал еще раз.

Ничего.

Он посмотрел, в чем дело.

Рожок перебит пулей. Надо заменить...

Он начал шарить левой рукой в подсумке, и в этот момент бывший напарник, разглядев Его в траве, выхватил штык-нож и бросился к Нему.

А Он уже почти достал новый, полный магазин, но вставить так и не успел – Ему в шею воткнули нож.

Он дернул головой, выронил автомат и потерял сознание.

А парень, воткнувший нож Ему в шею, выхватил у Него автомат и кубарем откатился в сторону.

Вскочил.

Прицелился...

Но увидев, что Он больше не шевелится, бросил автомат, сел прямо на землю, обнял свои колени руками и завыл волком, раскачиваясь из стороны в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.